

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

224

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
224

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2010

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Редакционная коллегия:

Л. И. АВИЛОВА (зам. главного редактора),
В. И. ЗАВЬЯЛОВ (ответственный секретарь),
Л. В. КОЛЫЦОВ, С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ, В. Д. КУЗНЕЦОВ,
Н. В. ЛЮПАТИН, Н. А. МАКАРОВ (главный редактор)

Рецензенты:

доктор исторических наук В. Ф. СТАРКОВ,
доктор исторических наук А. Н. СОРОКИН

К 78   Краткие сообщения Института археологии. Вып. 224 / Ин-т археологии
РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 344 с.,
ил., вклейка после с. 114.

ISSN 0130-2620

ISBN 978-5-9551-0433-1

Сборник посвящен теоретическим и методическим подходам в изучении погребального обряда в современной археологии. В публикуемых статьях рассматриваются теоретические и методические разработки, которые применяются в современной археологии, как российской, так и зарубежной, для интерпретации различных аспектов погребального обряда.

Тематически выпуск состоит из нескольких блоков. Первый, самый большой, включает в себя статьи, посвященные общим теоретическим и методическим проблемам изучения погребального обряда. Второй раздел посвящен антропологическим исследованиям. Третий включает в себя материалы, относящиеся к эпохам неолита и бронзы.

Следующий раздел представляет статьи по эпохе раннего железного века и ранне-го средневековья. Заключает публикацию материалов раздел «Средние века и Древняя Русь».

Данное коллективное исследование будет интересно для коллег-археологов и представителей смежных с археологией наук.

ББК 63.4

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0433-1

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2010
© Авторы, 2010
© Языки славянской культуры, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Гуляев В. И.)	3
-----------------------------------	---

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

<i>Гуляев В. И.</i> Изучение погребального обряда в зарубежной археологии	5
<i>Лагуткина Е. В.</i> Изучение погребальных памятников в археологии: подходы и методы исследования	19
<i>Косарев М. Ф.</i> Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам)	33
<i>Мельник В. И.</i> Символика элементов погребальной обрядности по этнографическим и археологическим данным	52
<i>Бакшеев Е. С., Смирнов Ю. А.</i> Двустадийная погребальная обрядность Окинавы как археологическая и культурно-историческая реальность	60

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Бужилова А. П.</i> К вопросу об информативности исследований коллективных погребений.	77
<i>Добровольская М. В.</i> К методике изучения материалов кремации.	85
<i>Медникова М. Б.</i> Обращение с головой умершего: погребальная практика древности по данным палеоантропологии	98
<i>Энговатова А. В., Осипов Д. О., Гончарова Н. Н., Бужилова А. П.</i> Массовое средневековое захоронение в Ярославле (предварительные результаты)	106

НЕОЛИТ И БРОНЗА

<i>Бочваров К. Е.</i> Неолитические захоронения в сосудах из юго-восточной Европы: возникновение обряда.	115
<i>Мишина Т. Н.</i> Социальный аспект изучения интрамуральных детских погребений (по материалам эпохи ранней бронзы телля Юнаците, Балканы)	136
<i>Корневский С. Н.</i> Феномен больших майкопских курганов: социально-трудовой и культовый аспекты строительства	149
<i>Андреева М. В.</i> Особенности организации курганного пространства в погребальном обряде восточноманычской катакомбной культуры.	171
<i>Волкова Е. В.</i> Погребальные комплексы фатьяновских могильников Новинки 1 и 2. Возможности исторических реконструкций.	185
<i>Мелешко Б. В.</i> О финальной дате дольменных памятников Кавказа	202

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Ковалевская В. Б.</i> Компьютерный анализ планиграфии раннесредневекового могильника Дюрсо на Северном Кавказе	214
--	-----

<i>Гусаков М. Г.</i> К вопросу о происхождении обряда сожжения в урне и без нее: по материалам могильников юго-восточной Прибалтики эпохи Гальштата и Латена	228
<i>Обломский А. М.</i> Новые погребальные комплексы Верхнего Подонья середины I тыс. н. э.	245
<i>Кишлярук В. М.</i> Влияние природных условий на погребальный обряд варварского населения Нижнего Приднестровья (III–II вв. до н. э.)	266

СРЕДНИЕ ВЕКА И ДРЕВНЯЯ РУСЬ

<i>Степанова Ю. В.</i> Хронология древнерусских погребальных комплексов Верхневолжья	285
<i>Сыроватко А. С.</i> Реконструкция погребальных сооружений Щуровского могильника	297
<i>Дружинина И. А.</i> К вопросу об этнокультурных контактах на территории Центрального Предкавказья в XVI–XVII вв. (по материалам малокабардинских курганов)	304

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Вакуленко Л. В.</i> Комплекс зернохранилищ IV в. н. э. в Прикарпатье	316
<i>Столярова Е. К.</i> К вопросу о технологии изготовления стеклянных золоченых бус домонгольского периода	323

SUMMARY	334
-------------------	-----

СОКРАЩЕНИЯ	340
----------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

Сборник «Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии» содержит более двадцати докладов-статей участников Всероссийской научной конференции под тем же названием, которая состоялась в ноябре 2005 г. в Институте археологии РАН. Всего в настоящее издание вошли 22 статьи исследователей академических учреждений, музеев и вузов Москвы, Твери и Коломны. Зарубежная сторона представлена археологами Молдавии и Болгарии.

Главная цель конференции состояла в том, чтобы выявить те теоретические и методические разработки, которые применяются в современной археологии, как российской, так и зарубежной, для интерпретации различных аспектов погребального обряда.

Погребальный обряд в древности и средневековье представляет собой отражение складывавшейся тысячелетиями целостной системы взглядов, связанных как с религиозными и мифологическими воззрениями, так и с социально-политической структурой породившего их общества.

Погребальный обряд – один из наиболее информативных источников при воссоздании этнической истории населения прошлых эпох, его социальной структуры, идеологических представлений. Поэтому вполне понятен постоянный интерес археологов любой специальности к изучению погребальных комплексов и реконструкции погребального обряда с помощью этнографии и письменных свидетельств.

Отдел теории и методики ИА РАН на протяжении двух последних десятилетий не раз уже выступал с инициативой обсуждения наиболее злободневных вопросов, связанных с «погребальной» тематикой (Гуляев, 1990; 1995; Гуляев, Каменецкий, Ольховский, 1999; и др.). Вместе с тем приходится с сожалением отметить, что данная проблематика еще весьма далека от своего окончательного решения.

Требуется дальнейшего упорядочения понятийный и терминологический аппарат, касающийся погребений и погребального обряда.

В отечественной археологии довольно слабо обстоит дело с корректным и продуктивным использованием этнографических аналогий при интерпретации погребальных комплексов.

При постоянном интересе к социальной (социологической) интерпретации погребального обряда в нашей археологической науке (по сравнению, например, с англо-американской археологией) явно недостаточно внимания уделяется вопросам идеологических (религиозно-мифологических) реконструкций на основе материала захоронений разных эпох.

Не очень заметен сейчас у нас и прогресс в этнокультурном направлении интерпретации погребального обряда. И как тут не вспомнить многочисленные отечественные работы 1950–1960-х гг. по этногенезу и культурогенезу, независимо от степени их обоснованности реальными фактами.

Все вышесказанное позволяет надеяться, что данный сборник будет полезен для решения хотя бы части из названных проблем. Большой оптимизм внушает и то, что в последние годы наблюдается широкое внедрение антропологических методов в археологию. Здесь особенно заметны успехи в изучении таких тем, как палеодемография, болезни древних людей, их пищевой рацион, стрессы и физические нагрузки, открывающие, в свою очередь, новые, не известные ранее возможности для археологов при изучении погребального обряда.

Сборник тематически распадается на несколько блоков (или разделов, частей). Первый, самый большой, включает в себя доклады, посвященные общим теоретическим и методическим проблемам изучения погребального обряда. Второй раздел посвящен антропологическим исследованиям. Третий включает в себя материалы, относящиеся к эпохам неолита и бронзы.

Следующий раздел представляет статьи по эпохе раннего железного века и раннего средневековья. Заключает публикацию материалов конференции раздел средние века и Древняя Русь.

Авторы и составитель сборника выражают надежду, что данное коллективное исследование будет интересно для коллег-археологов и представителей смежных с археологией наук.

В. И. Гуляев

ЛИТЕРАТУРА

- Гуляев В. И.*, 1990. Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии // КСИА. Вып. 201.
- Гуляев В. И.*, 1995. Погребальная обрядность, структура, семантика и социальная интерпретация (Введение в дискуссию) // РА. № 2.
- Гуляев В. И., Каменецкий И. С., Ольховский В. С.*, 1999. Введение // Погребальный обряд: Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений: Сб. М.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

В. И. Гуляев

ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ЗАРУБЕЖНОЙ АРХЕОЛОГИИ

С самого начала следует оговорить, что в настоящей статье речь пойдет, естественно, не о всей необъятной зарубежной литературе по интерпретации погребального обряда, а только о работах англо-американских (и, частично, скандинавских) авторов. Но ведь именно англо-американская археология последние 30–40 лет является главным поставщиком новых идей в области археологической теории, в том числе и по погребальному обряду. Учитывая ограниченность пространства (рамками статьи), я постараюсь изложить лишь самые основные концепции и взгляды на проблемы изучения погребального обряда в рамках «новой» (или «процессуальной») археологии 60–80-х гг. XX в. и «пост-процессуального» направления в науке (90-е гг. XX и начало XXI в.). Хорошо понимая все значение конкретных примеров и фактов в археологии, я попытаюсь, хотя бы и в самой краткой форме, проиллюстрировать чисто теоретические постулаты ссылками на современные археологические исследования, осуществляемые сейчас в странах Западной Европы и США.

Интерес археологов к материалам из погребений и погребальному обряду в целом объясняется тем, что традиционно это один из двух основных видов археологических источников (другой вид – поселения). Опираясь на его анализ, мы можем реконструировать быт, духовную и материальную культуру, социальное устройство, идеологические представления, уровень развития изучаемого общества, его традиционность и подверженность влияниям, – словом, весь спектр вопросов, которые археологи пытаются решить с большей или меньшей объективностью для воссоздания истории давно исчезнувших людей, оставивших эти погребальные памятники.

Археологи хорошо знают, что после завершения процедуры раскопок погребений и первичной обработки полученных результатов (классификация материала, его предварительное хронологическое и культурное определение и т. д.) наступает новый этап в исследовании: вещеведческий анализ заканчивается и археолог вступает в область *интерпретации* данного погребального комплекса (или комплексов). А она требует не только знаний ряда других научных дисциплин, но и специальной методики для сопряжения самых разных видов источ-

ников – археологических, этнографических, исторических, антропологических и пр.

На протяжении всего времени существования научной археологии интерпретация погребального обряда осуществлялась в четырех основных направлениях:

- 1) религиозно-мифологическом (или идеологическом);
- 2) этнокультурном (выделение «погребального эталона» и отклонение от него в рамках определенной этнокультурной группы);
- 3) хронологическом (выявление динамики «погребального эталона» во времени);
- 4) социальном (или социологическом, включая палеодемографию).

В разные периоды то или иное направление могло разрабатываться более интенсивно, чем остальные, но вместе с тем приходится признать, что все они существовали и развивались параллельно.

Систематические раскопки погребений (прежде всего погребений, видимых на поверхности земли, – «погребальных холмов» или «курганов») начались в США и Западной Европе в конце XVIII – начале XIX в.: Томас Джефферсон в США; Йенс-Яков Ворсо – в Дании; Каннингтон, Мортимер и Гринвелл – в Англии (Chapman, Randsborg, 1981. P. 2).

В течение XIX в. был накоплен огромный материал, заполнивший местные музеи и сохранивший до наших дней бесценные сведения о погребальном обряде людей, живших в Европе в эпохи неолита, бронзы и раннего железа. Именно тогда появились в археологических кругах первые, еще очень робкие, попытки осмыслить данные из погребений в хронологическом, этнокультурном и религиозно-мифологическом плане.

Первые солидные труды по интерпретации погребального обряда были созданы этнографами в последние десятилетия XIX в. Это работы Эдварда Тэйлора «Первобытная культура» (Taylor, 1871; Тэйлор, 1939) и Джеймса Фрэзера «Золотая ветвь» (Frazer, 1886; Фрэзер, 1981). Оба исследователя объясняли все особенности и разнообразие погребального обряда только исходя из первобытной мифологии и религиозных верований.

В первые десятилетия XX в. хронологический, этнокультурный и религиозно-мифологический подходы в объяснении погребального обряда продолжали развиваться как в Европе, так и в США, но появилось и нечто новое: труды группы ученых из школы Эмиля Дюркгейма – Роберта Гертца (1907 г.) (Hertz, 1960) и Арнольда Ван Геннепа (1909 г.) (Van Gennep, 1960).

Эти исследователи связывали захоронение умершего с различными аспектами социальной системы. По их мнению, различия в погребальных ритуалах могли быть вызваны разницей в статусе умерших индивидов внутри данного общества, а также таким фактором, как способ (причина) ухода из жизни. А самый главный их постулат гласит: погребальный обряд следует рассматривать в ряду других «обрядов перехода», означающих перемены в статусе индивида (рождение, инициации, женитьба, беременность и, наконец, смерть); в данном случае, погребальный обряд – это «переход» умершего члена общества из мира живых в мир мертвых.

По сути дела, это были первые исследования, которые трактовали смерть как социальную и биологическую трансформацию. Следует также отметить, что и А. Ван Геннеп и Р. Гертц строили свои выводы на чисто этнографическом материале традиционных обществ Африки и Юго-Восточной Азии.

По их мнению, похороны – это отражение обряда «перехода» с трехступенчатой структурой.

1. *Первая стадия* – «обряд отделения» (изоляции) трупа от других членов общества. Труп помещают отдельно, в особое место (жилище, святилище, специальная площадка и т. д.). Участники ритуала «выходят» из своих прежних социальных ролей и «переходят» в иное, так называемое «пороговое», состояние.

2. *Вторая стадия* – осуществление самих похорон (с захоронением трупа любым традиционным способом), когда их живые участники превращаются в «плакальщиков», а умерший переходит от статуса личности, индивида, к статусу трупа, и при этом душа его отделяется от тела.

3. Наконец, *третья стадия*: «ритуал воссоединения», когда участники похорон возвращаются к обычной жизни. «Плакальщики» возвращаются к общественной жизни, но уже без мертвеца, труп которого окончательно помещен в нужном месте, а душа должна присоединиться к душам предков.

Для Р. Гертца смерть осознавалась как некая внешняя сила, ударяющая по данному коллективу и сотрясающая самые основы его жизни. Гибель индивида была равносильна катастрофе и ставила перед обществом в целом массу серьезных проблем.

Чтобы облегчить трем составляющим (труп, душа умершего и живые сородичи) переход в новый социальный статус и решить проблемы своих взаимоотношений, в каждой из них должны произойти перемены и должно быть восстановлено равновесие в течение определенного отрезка времени, варьирующего от нескольких минут до нескольких лет.

Р. Гертц утверждал, что «обряды перехода» как раз и выполняли эту задачу, и именно данные ритуалы, оставляющие после себя какие-то материальные следы, и находят при раскопках археологи.

Воздействие смерти индивида на оставшихся членов группы (общины) может различаться в очень значительных пределах, в зависимости от положения умершего в данном обществе, так же как могли сильно варьировать масштабы и формы обрядов, необходимых для «выведения» его (или ее) из этого мира в мир иной.

Итак, масштабы и формы ритуалов, необходимых для достижения эффекта «отделения» («выведения»), сильно различаются в зависимости от социального статуса участников похорон и умершего внутри данного общества. Одним из побудительных мотивов этих церемоний было восстановление социального порядка перед лицом хаоса.

С одной стороны, статус умершего влияет на масштаб обрядов, необходимых для обеспечения его «удаления» («отделения»); с другой – реинтеграция участников похорон с другими членами общества требует восстановления социальной структуры и взаимосвязи живых и мертвых. Это и есть тот принцип, который лежит в основе всех эмпирически наблюдаемых вариаций в погребальном обряде любого общества.

Вторая связь, на которую обращает особое внимание Р. Гертц, это связь между трупом и душой. Погребальный процесс должен способствовать *отделению* души от тела, обычно сразу же после наступления смерти, а затем, по прошествии некоторого времени, это должен быть акт в виде церемонии, отмечающей воссоединение души умершего с душами предков. Правда, следует отметить, что часто наблюдается некоторая двусмысленность в разделении этих двух этапов. И Р. Гертц сделал очень важное замечание о том, что физическое состояние трупа и состояние души часто тесно связаны. Только когда труп достиг стабильной физической формы, будь то через гниение или через кремацию, в конце данного процесса душа действительно становится полноправным членом загробного мира.

Поэтому похороны отражают три этапа в этой взаимосвязи: отделение тела от души, «пороговая» стадия, где душа еще находится на перепутье, и «пост-пороговая» стадия, когда она присоединяется к сообществу мертвых (предков).

Третья связанная с похоронами сфера – это взаимосвязь души умершего с живыми соплеменниками. Отделение души от мира живых часто довольно длительный процесс. В течение этого периода те, кто был близок к мертвецу либо физически, либо по кровному родству, сами находятся в «пороговом», оскверненном (грязном) состоянии. Таким образом, похоронный процесс имеет здесь две сверхзадачи: кроме обозначения отделения души от тела, необходимо постепенное уменьшение взаимосвязей души умершего с живыми. Это достигается по истечении определенного времени и благодаря правильному отправлению ритуалов. Завершение данного процесса отмечает окончательное освобождение души (и переселение ее в мир предков) и реинтеграцию общины живых.

Взгляды Р. Гертца и А. Ван Геннепа позволили в общих чертах определить ритуальную структуру, стоящую за погребальными реалиями, которые находят в процессе раскопок археологи. Работы этих исследователей в целом выдержали проверку временем и оказали огромное воздействие на развитие археологической науки.

Правда, это произошло значительно позже. А в те годы (первые десятилетия XX в.), да и какое-то время спустя, в гуманитарных науках Запада господствовали теоретические концепции так называемой «культурно-исторической» школы. Особенно сильны были ее позиции в США, где во главе ее стояли такие крупные фигуры, как этнограф Франц Боас и археолог Альфред Крёбер (Аверкиева, 1979. С. 68–197). Последний с завидным упорством доказывал, что погребальный обряд менее, чем другие черты культуры, полезен при реконструкции истории культуры, поскольку он весьма нестабилен и изменчив. И эта нестабильность связана с непостоянством человеческого поведения, очень похожего на капризы моды.

В начале 1960-х гг. взгляды А. Крёбера и всей школы в целом подверглись разгромной критике со стороны Л. Бинфорда – «отца-основателя» «новой», или «процессуальной» археологии. Он отверг тезис о нестабильности погребального обряда и на основе ряда впечатляющих примеров (как этнографических, так и археологических) продемонстрировал его завидную устойчивость и консервативность.

Как ответная реакция на взгляды культурно-исторической школы, с ее концепцией однолинейной эволюции, внутри этнографии Запада возникло течение «диффузионизма», объясняющего с помощью диффузии все изменения материальной культуры во времени и пространстве (теория «культурных кругов» Ф. Гребнера, В. Шмидта и др.) (Першиц, Монгайт, Алексеев, 1968. С. 21). Что касается погребального обряда, то сходство и различие между культурами в таких чертах, как труположение (ингумация) и трупосожжение (кремация), индивидуальные или коллективные захоронения, формы и размеры могил, интерпретировались сторонниками этого направления только через диффузию и миграции.

Последователем его был и выдающийся английский археолог Вир Гордон Чайлд¹. Он, как и многие его коллеги, считал, что погребальный обряд следует целиком отнести к сфере религии (идеологии) (Childe, 1951. P. 170, 171).

В середине 1960-х гг. в западной археологии сформировалось теоретическое направление, получившее название «новой археологии». Оно заявило впервые о себе в 1962 г., когда в журнале «American Antiquity» вышла программная статья Льюиса Бинфорда «Археология как антропология» (Binford L., 1962). Однако подлинным манифестом нового теоретического течения стал вышедший в 1968 г. сборник «Новые перспективы в археологии» под редакцией самого Л. Бинфорда и его жены (Binford L. and Binford S. (eds.), 1968).

Суть теоретических взглядов «новых археологов» сводилась к нескольким принципиальным положениям. Одним из исходных было то, что главной задачей своей науки представители данного направления считали не исторические реконструкции, а изучение закономерностей человеческого поведения и культурного развития в прошлом. Соответственно, археология провозглашалась дисциплиной, принадлежащей не к истории, а к культурной антропологии (т. е. этнографии).

Ставя перед археологией задачу изучения закономерностей развития культуры, «новые археологи» понимали культуру как развивающуюся динамичную систему адаптации человека к природной среде, включающую в себя такие компоненты, как технологический, социологический и идеологический, следы которых могут быть прослежены на археологическом материале. При этом следует отметить, что изучение культуры и культурных процессов часто становилось у них самоцелью, заслоняя собой изучение общества, продуктом которого культура и является. В американской историографии описательные дисциплины (куда «новые» археологи-«процессуалисты» относят и историю) традиционно не имеют статуса подлинной науки. Именно с этим и был связан призыв «процессуалистов» превратить археологию в науку, снабдив ее прогрессивными методами компьютерного века.

Широкое применение в «новой археологии» нашли этнографические аналогии и математические методы исследования. В дальнейшем, до начала 1980-х гг., «новая археология» создала или заметно развила и усилила такие направления в

¹ Хотя чаще его в литературе называют лидером нео-эволюционистского течения в археологии Запада.

нашей науке, как этноархеология, экологическая археология, палеодемография и «поведенческая» (behavior) археология. Особо надо отметить ее тесную связь с естественными науками – биологией, географией, математикой и др.

Впрочем, вернемся к проблемам интерпретации погребального обряда.

Л. Бинфорд в своей главной работе на эту тему «Погребальные практики: их изучение и потенциал» на основе этнографических параллелей дал свою интерпретацию погребального обряда – точнее, его социальной составляющей (Binford L., 1971). Автор доказывает, что формы, представленные в погребальной практике символами, не должны смешиваться с тем, что в действительности они символизируют. Так, различные способы захоронения умерших – ингумация, кремация и пр. – могут в разных обществах иметь разное значение. Если же просто сопоставить эти символы и вывести в итоге некие формальные взаимосвязи между двумя (и более) обществами, как это часто делалось представителями «культурно-исторической» школы, то это – чистая фикция.

Но какие же именно аспекты социальной организации общества могут быть символически отражены в погребальном обряде? Согласно Л. Бинфорду, это, во-первых, *социальная личность* умершего; во-вторых, состав и величина социальной группы, выражающей в ходе похорон свое отношение к умершему.

Главные показатели «социальной личности», которые проявляются в погребальной практике, это возраст, пол, социальное положение, социальные связи, условия и место смерти. Основной вывод автора таков: форма и структура, характеризующие погребальную практику любого общества, есть отражение формы и организационных особенностей самого этого общества. Исследование Л. Бинфорда было основано на материалах 40 этнографически описанных традиционных обществ Старого и Нового Света. Ученый понимал при этом, что реально ему не удастся достигнуть той степени точности, какая требовалась при анализе этнографических данных для выявления разнообразия статусов индивидов или социально-культурной структуры. Однако он считал, что способы жизнеобеспечения (subsistence) четко коррелируются с социальной сложностью общества: охотники-собиратели, перемещающиеся с места на место земледельцы, оседлые земледельцы и пастухи-скотоводы были четырьмя социальными группами, выделенными им на основе способа жизнеобеспечения. В ходе своего исследования Л. Бинфорд обнаружил, что общества, относящиеся к оседлым земледельцам, чаще используют эти параметры (пол, возраст, социальное положение, условия и место смерти, социальные связи – членство в клане, роде, общине, племени и т. д.) для символизирования «социальной персоны» умершего в своих погребальных ритуалах, нежели другие три группы.

Наконец, ученый проанализировал взаимосвязи этих параметров «социальной персоны» с особыми формами погребальной церемонии. Он изучил способы подготовки тела и его размещения, формы могил, их ориентировку и местонахождение, количество и характер погребального инвентаря, которые были известны для отобранных им этнографических обществ. На его взгляд, использование некоторых из этих особых погребальных ритуалов варьирует в соответствии с параметрами «социальной персоны»:

а) пол (мужской или женский) выделяется только ориентировкой и типом погребального инвентаря;

б) возраст определяется на основе размещения трупа (могила, помост, река, лес и т. д.), типа могилы и ее местонахождения.

«Социальный подход» к погребальному обряду в духе идей Л. Бинфорда нашел довольно много сторонников, как в США, так и в Западной Европе. Напомню, что речь идет о конце 60–70-х гг. XX в. Одним из главных его последователей был археолог и этнограф Артур Саксе. Его докторская диссертация «Социальные параметры погребальной практики» (Saxe, 1970) вышла даже чуть раньше основополагающей работы самого Л. Бинфорда на ту же тему (Binford L., 1971). А. Саксе взял этнографические описания трех традиционных обществ (ашанти в Западной Африке, папуасы-капауку в Новой Гвинее и бонток игорот на Филиппинах) и на основе этих материалов выдвинул *восемь (!!!)* гипотез по социальному осмыслению погребального обряда. Я не буду излагать их здесь все – они довольно тривиальны и во многом повторяют выводы Л. Бинфорда. Наибольший (а возможно, и единственный) интерес для археологов представляет у А. Саксе его *гипотеза № 8*. Ее краткое содержание таково: «Формальные места (или участки), предназначенные только для захоронения умерших (т. е. кладбища, могильники), организуются или устраиваются корпоративными социальными группами, чтобы через наследство от предков, похороненных там, узаконить свои права на важнейшие, но ограниченные ресурсы (в том числе на землю)».

Нет никаких сомнений в том, что А. Саксе очень образованный человек, прочитавший по своей теме массу соответствующей литературы. Однако есть большие сомнения в возможности найти надежные и объективные доказательства для выдвинутых им гипотез. Ведь все они основаны на старых этнографических отчетах. А проверить их достоверность практически нельзя. Как уже отмечалось выше, самой интересной для археологов является у А. Саксе его *гипотеза № 8*, построенная на основе наблюдений этнографа Меггита в Папуа – Новой Гвинее. И суть ее состоит в утверждении права на землю живых членов общины с помощью ссылок на наследие предков. Именно для этой цели и устраивались формальные могильники и кладбища.

Эту гипотезу повторно рассмотрела позднее Линн Гольдстейн, использовавшая при этом уже материалы по 30 этнографическим группам. Она установила, что организация постоянного, специализированного и ограниченного участка для захоронения была тем средством, с помощью которого корпоративная группа, пытаясь узаконить свои права на ограниченные ресурсы, могла облечь данную взаимосвязь в ритуальные «одежды». Другими словами, отсутствие формального места для захоронений не всегда информирует нас о социальной структуре общества, тогда как его наличие реально говорит о существовании корпоративной группы и почитании предков (Goldstein, 1976).

Таким образом, из всех гипотез А. Саксе только гипотеза № 8 продолжает активно обсуждаться в среде археологов Западной Европы и США. Правда, ее подверг резкой критике главный лидер «пост-процессуализма» Йан Ходдер (Англия). Тем не менее эта гипотеза может, вероятно, помочь нам в понимании

вопроса о том, почему устраивались кладбища и могильники. Но она бессильна объяснить, почему именно формальные участки для захоронения умерших, а не другие формы легитимизации, использовались группами для утверждения своего права на землю и другие местные ресурсы. Кроме того, взаимосвязи живых соплеменников с предками гораздо шире и глубже, нежели простое установление через них функциональных связей с землей, как считали А. Саксе и Л. Гольдстейн. И этому есть множество примеров в обществах разных эпох и разных культур Старого и Нового Света. Достаточно сослаться на богатейшую традицию культа предков у древних майя (Гуляев, 1981) или перуанских инков (Dillehay, 1995).

В 1978 г. появилась работа еще одного сторонника идей Л. Бинфорда – Джозефа Тэйнтера. Называлась она «Погребальный обряд и изучение первобытных социальных систем» (Tainter, 1978). И опять основывалось данное исследование только на этнографических материалах: на этот раз были рассмотрены 103 традиционных общества. На основе своего анализа Дж. Тэйнтер пришел к выводу, что с определенным социальным рангом были тесно связаны определенные черты похоронных обрядов, а именно: сложность обращения с трупом, сооружение и месторасположение могилы или гробницы, ее размеры, а также масштаб и продолжительность погребального ритуала, материальные затраты на этот ритуал и наличие (или отсутствие) жертвоприношений (включая человеческие). Ученый предложил абстрактное понятие «затрата энергии», или «затрата труда», и установил, что социальный ранг умершего индивида коррелирует со степенью затрат энергии на его погребальный обряд в 90% всех рассмотренных случаев. Напротив, считает этот автор, если судить по погребальному инвентарю, то социальный ранг по вещам отмечен всего в 5% случаев.

Итак, Дж. Тэйнтер считает, что объем затрат труда коллектива в похоронном ритуале будет во многом зависеть от социального статуса умершего индивида. Эти затраты должны отражаться в таких чертах погребения, как его размеры и тщательность оформления, методы обращения с трупом и способ его захоронения, а также характер погребального инвентаря. Основной вывод этого ученого гласит: «Этнографическая литература ясно показывает, что затраты энергии на погребальный ритуал прямо соответствуют рангу умершего, ранговой градации общества».

Но, по признанию самого автора идеи, измерить затраты энергии можно пока только относительно, в рамках «больше» или «меньше». Как считает сам Дж. Тэйнтер, для изучения социальных аспектов погребального обряда важны два момента:

- а) пространственное размещение погребений (наличие кладбищ, могильников), которое содержит информацию о наличии корпоративных групп²;
- б) затраты энергии на похороны как отражение социальных градаций.

² Например, на Гаваях могильник в Калоко состоит из четырех групп погребений (каждая обнесена своей отдельной оградой), и селение Калоко (точнее, община) также делится на четыре части (большие семьи или линиджи). И именно эти подразделения внутри общины владеют земельными участками вокруг поселка, ссылаясь на право наследования земли от своих предков.